

Хагуров Айтеш Аюбович

доктор социологических наук,
старший научный сотрудник
Кубанского государственного
университета им. И.Т. Трубилина

Khagurov Aitech Ayubovich

D.Phil. in Social Science,
Senior Research Fellow,
Kuban State Agrarian University

Бондаренко Марина Викторовна

кандидат социологических наук,
заместитель главы муниципального образования
Усть-Лабинского района

Bondarenko Marina Viktorovna

PhD in Social Science, Deputy Head,
Ust-Labinsk District Municipal Unit

ЭКОНОМИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ)

ECONOMICS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT (PROBLEMS AND PROSPECTS OF FORMATION)

Аннотация:

В статье рассматривается наступающий кризис экономической науки, не отвечающей происходящим в мировой экономике изменениям. Основные на исчислении валового внутреннего продукта экономические концепции не могут адекватно отражать все возрастающее влияние экологических и социальных факторов на жизнь общества. Научные центры западных стран интенсивно работают над созданием индексов, учитывающих трансформации, наблюдаемые в сфере экологии, их экономические последствия, а также их воздействие на качество жизни населения. Эти исследования показывают, насколько остро назрела необходимость перехода экономической науки от концепции ВВП к социально-экономической концепции. Формируемые передовыми научными центрами индексы устойчивого развития позволяют выявлять контуры новой, зеленой, экономической науки. Авторы считают целесообразным применять новые инструменты с учетом российских реалий.

Ключевые слова:

потребительская экономика, зеленая экономика, индексы человеческого развития, качество жизни, устойчивое общество, экономические достижения

Summary:

The present study examines the coming crisis of economic science, which does not correspond to the changes taking place in the world economy. Economic concepts based on gross domestic product calculation cannot adequately reflect the ever-increasing impact of environmental and social factors on the life of society. Scientific centers in Western countries are intensively working on creation of indices that take into account the changes in the environment and their economic consequences, as well as their impact on the quality of life of the population. These studies show how urgent is the need for the transition of economic science from the concept of GDP to the socio-economic one. Sustainable development indices developed by leading research centers reveal the contours of a new, green economic science. The authors think it expedient to apply new tools with regard to contemporary Russian realities.

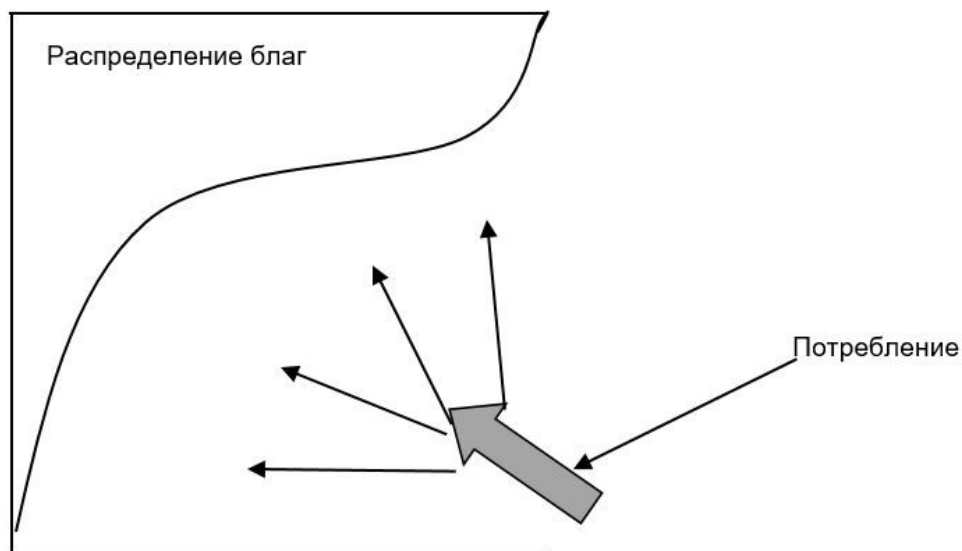
Keywords:

consumer economy, green economy, human development indices, quality of life, sustainable society, economic achievements

1. Причины и источники неустойчивости современной цивилизации. Слабости и ущербность современной цивилизации глубоко исследованы в социально-философских трудах представителей европейского постмодернизма. На наш взгляд, наиболее талантливо это сделал Ж. Бодрийяр. Последствия постоянного увеличения потребления анализировали и другие западные мыслители, в том числе Дж.К. Гэлбрейт, с которым в своей книге Ж. Бодрийяр много раз полемирует. Однако если другие критики общества потребления рассматривают непрерывное повышение объемов потребления как болезнь иерархизованного общества и видят в критикуемом социуме положительные силы, способные создать лучший мир, то Ж. Бодрийяр таких сил не видит. Он считает, что необходимость самосохранения социальной структуры, основанной на привилегиях, производит и воспроизводит возрастание потребления как свой стратегический гарант. Увеличивающееся потребление является следствием неравновесия иерархических социальных структур. Они никогда не потребляют продукт в его потребительской ценности, ибо он всегда предстает в потреблении как знак статусной иерархии.

В «Обществе потребления» в разделе под характерным названием «Вредоносность» Ж. Бодрийяр пишет: «Невозможно перечислить все формы производительной и потребительской деятельности, которые являются только паллиативами внутренней вредоносности системы роста. Раз достигнув некоторой величины, прирост производительности почти целиком впитывается, пожирается этой *гомеопатической терапией роста посредством роста*. ...Ускоренное

устаревание продуктов и машин, разрушение старых структур, удовлетворяющих некоторые потребности, умножение фальшивых новаций, не имеющих ощутимых преимуществ для образа жизни – все это может быть добавлено к балансу... Это ведет к своего рода самопожиранию системы... Люди повсюду сталкиваются с той точкой, где динамика роста и изобилия становится кругообразной и обращается на самое себя, где все более и более система исчерпывает себя в самовоспроизводстве. Это порог пробуксовки... вырисовывается общая тенденция к *разбалансированию внутреннего функционирования системы* – к индивидуальному или коллективному “дисфункциональному” потреблению, растущему быстрее, чем “функциональное” потребление, так что система паразитирует на себе самой» [1, с. 63–64].

Рисунок 1 – Неустойчивое общество и его опора (по Ж. Бодрийяру)

Ж. Бодрийяр считает, что быть свободным в обществе потребления на самом деле означает лишь свободно проецировать желания на произведенные товары и впасть в «успокоительную регрессию в вещи». Нет индивидуальных желаний и потребностей, есть машины производства желаний, заставляющие наслаждаться, эксплуатирующие наши центры наслаждения... Нет более никакой диалектики, есть движение к пределу и за него – к смерти. Главные акторы этой культуры катастроф – средства массовой информации и современных телекоммуникаций, экран как поверхность знака, компьютер и передовые технологии, молчаливое большинство масс. «Идеи и ценности (прогресса, богатства, демократии и пр.) утрачивают свой смысл, но их воспроизводство продолжается и становится все более совершенным. Они расползаются по миру как метастазы опухоли и проникают везде, просачиваясь друг в друга. Секс, политика, экономика, спорт и т. д. теперь присутствуют везде и, значит, нигде. Политика – сексуальна, бизнес – это спорт, экономика не отличима от политики и т. д. Ценности более невозможно идентифицировать, культура стала транскультурой, политика – трансполитикой, сексуальность – транссексуальностью, экономика – трансэкономикой. Все подверглось “радикальному извращению” и погрузилось в ад воспроизводства» [2].

С 90-х гг. XX в. подвергнутая критике Ж. Бодрийяром западная социокультурная среда стала воспроизводиться в российских условиях. Понять, что из этого получилось, – задача наших социальных и гуманитарных наук.

Прежде всего важно осознать процессы, происходящие в отечественной экономике. Глубокий анализ социально-экономических процессов в пореформенной России представлен в трудах академика С.Ю. Глазьева. Он указывает на катастрофический дисбаланс, образовавшийся в структуре экономики: между добывающими и обрабатывающими отраслями, производственной и финансовой, а также другими сферами. Почти весь постсоветский период макроэкономическая политика в стране проводилась на базе монетаристских принципов. Наряду с единомышленниками С.Ю. Глазьев считает «монетаризм современной версией ветхозаветного культа Золотого тельца, религией обожествления денег. Исходя из этого, наверное, следует оценивать и практические результаты монетаристской политики, проводившейся с 1992 г.: хотя российская экономика за этот период в основном примитивизировалась и сжалась в нефтегазовую трубу, для монетаристов и бенефициаров из политики она стала уникальной “дойной коровой”, из которой им удалось выжать и вывезти за рубеж около 2 трлн долл. капитала» [3, с. 44–45].

Прямым следствием политики финансовых властей стали неразвитость системы кредитования предпринимательской деятельности и полное отсутствие механизмов долгосрочного кредитования производственной сферы. По мнению С.Ю. Глазьева, в ведущейся США против России гибридной войне ключевое место занимает финансово-экономический фронт, на котором противник – США и их союзники – имеют подавляющее преимущество. Они используют свое доминирование в мировой валютно-финансовой системе для манипулирования финансовым рынком России и дестабилизации ее макроэкономического положения [4, с. 346–347].

Критикуя теорию рыночного равновесия, академик отмечает, что экономика как живая система, эволюционирующая к большей сложности, никогда не бывает в состоянии равновесия. В целом выросшие из классической политэкономии и марксизма маржинализм и неоклассический синтез отражают состояние экономики столетней давности. Поэтому в экономической науке назрела революция, в ходе которой, по мнению С.Ю. Глазьева, главным ее предметом должен стать процесс развития хозяйственной деятельности, а не обмен с его результатами. Как считает указанный автор, открытые им закономерности периодической смены технологических укладов позволяют определить методологию построения новой экономической теории. Наряду с технологической составляющей должны учитываться и социально-производственные отношения в качестве базовых элементов построения новой экономической науки. Подобная революционная трансформация экономической науки и экономики будет служить интересам России, ибо в соответствии с этой новой экономикой американоцентричная либеральная глобализация, с доминированием связанных с США транснациональных корпораций, уступает место полицентричной и поливалютной системе, в которой преобладают централизованно регулируемые экономики, сочетающие механизмы рыночной самоорганизации с институтами стратегического планирования и частного предпринимательства с государственным контролем [5, с. 589–590].

Такой проект преобразования экономической науки и, соответственно, экономики предполагает сопутствующие программы трансформации политической и социальной сфер. В качестве предварительной работы в этом направлении в следующих двух частях статьи рассмотрены и другие подходы к критике рыночной экономики потребительского общества и вытекающие из них контуры будущей экономики.

2. Критика потребительской рыночной экономики, основанной на парадигме ВВП (ВНП). В работе «Общество потребления» Ж. Бодрийяр продолжил критику экономики, которая подводит свои итоги на основе величины валового внутреннего (национального) продукта, – критику, начатую еще Дж.К. Гэлбрейтом. Последний писал, что в такой бухгалтерии «производство алкоголя, комиксов, зубной пасты... ядерного оружия заслоняет отсутствие школ, дорог, бассейнов» [6, с. 65]. Складывается позитивное и негативное, и результат выдается за рост национальной экономики в целях поддержания социального мифа о процветании.

В разделе «Подсчет роста, или Мистика ВНП» Ж. Бодрийяр отмечает: «Мы говорим здесь о самом экстраординарном блефе современных обществ – о процедуре “белой магии” с цифрами, которая в действительности скрывает черную магию коллективной околдованности. Мы говорим об абсурдной гимнастике *бухгалтерских иллюзий, о национальном счетоводстве*. Принцип этой магии – не учитывать ничего, кроме факторов, видимых и поддающихся измерению соответственно критериям экономической рациональности. На этом основании в магическом подсчете не учитываются ни домашний труд женщин, ни научные исследования, ни культура – и напротив, в нем могут фигурировать некоторые вещи, не имеющие к росту никакого отношения, *только в силу того факта, что их можно измерить*. Кроме того, подобные подсчеты имеют то общее с мечтой, что они не учитывают негативных явлений и складывают все – вред и позитивные элементы, – следуя всеохватывающему алогизму (отнюдь не невинно)» [7, с. 64–65].

В самом деле, разве не алогизм складывать стоимость произведенных бомб, стратегических подводных лодок и надводных военных кораблей, танков, боеголовок (и т. д.), вырубленных лесов, построенных тюрем, произведенных депрессантов и лекарств для борьбы с алкоголизмом и наркоманией со стоимостью произведенной сельскохозяйственной техники и продукции (и т. д.) и делить эту сумму «на душу» населения и полученный результат выдавать за прогрессивный рост, если он выше прошлогоднего.

Когда мировым сообществом была осознана бесперспективность и экологическая опасность сложившихся в мире экономических моделей развития, концепция устойчивого развития стала одной из основополагающих в деятельности ООН – с конца прошлого века. После конференции ООН 1992 г. в Рио-де-Жанейро в 2002 г. на Всемирной конференции на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге было принято решение о создании и реализации государствами мира стратегии устойчивого развития с 2005 г.

В 2015 г. закончился срок действия программы «Цели развития тысячелетия ООН», запущенной в 2000 г. Для подведения итогов и разработки новых задач в сентябре 2015 г. был организован саммит ООН. На нем сформулированы задачи, связанные с целями устойчивого развития (далее – ЦУР) – Sustainable Development Goals, на период 2016–2030 гг. Эти задачи приняты всеми странами, что свидетельствует о постепенном, но неминуемом осознании мировым сообществом невозможности обеспечить экономическую устойчивость, не решив социальные и экологические проблемы.

Прошло 60 лет с тех пор, как в национальных и международных аналитических материалах в качестве универсального социально-экономического индикатора используются ВВП и ВНП на душу населения. Однако уже давно, в новых реалиях в мире, осознается необходимость новых подходов к измерению прогресса и развития, а также новых индикаторов для их оценки. Парадигма ВВП, не справляющаяся с этой задачей, становится объектом критики. Аналитики указывают на то, что ВВП плохо отражает социальные последствия научно-технического прогресса. Если вырубает леса вокруг городов – экологическая ситуация в них ухудшается, а ВВП увеличивается за счет повышения объемов стройматериалов и производства мебели. Если из-за жары и автовыхлопов горожане начинают покупать больше кондиционеров и, соответственно, больше их производят – ВВП возрастает, а качество жизни ухудшается. Если население приобретает больше лекарств, фармакологическая промышленность растет, увеличивается и ВВП, а люди болеют чаще и т. д. Поэтому лидеры всех стран подписали заключительную декларацию конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 2012 г., в которой подчеркивалась неадекватность использования показателя ВВП в современных условиях [8, с. 18].

Однако и ныне в России все долгосрочные стратегии и программы развития страны до 2020 и 2030 гг. базируются на парадигме ВВП. Это означает, что, несмотря на официальные декларации, в стране фактически не формируется новая экономика устойчивого развития. В отчетном докладе Аналитического центра при Правительстве РФ читаем: «В России – на фоне оживленной международной дискуссии – вопросу целей устойчивого развития... не уделяется внимания, как, впрочем, и концепции самого устойчивого развития в его международном контексте» [9, с. 20].

Проблема в том, что более или менее точными научными методами невозможно определить, что дает человечеству непрерывное возрастание могущества современной цивилизации. Один вывод точно можно сделать: ее дальнейшее экономическое развитие упирается в ограниченные природные ресурсы и качество окружающей человека среды. Во что обходится человечеству непрерывное увеличение потребительских благ и чем измерить качество экономического роста, определить пока нельзя. Попытки создания адекватных систем оценки общественного прогресса ограничиваются вопросом измерения уровня благосостояния. Еще в 50-х гг. прошлого века нобелевский лауреат К. Эрроу доказал теорему о невозможности создания математической формулы общего благосостояния. Трудности оценки последнего в настоящее время заставляют ученых обратиться к новым методам его измерения. Формирующаяся экономика устойчивого развития вместо упрощенной статистики доходов требует новой информации, которой нет в статистике. В результате возникли индексы, позволяющие приблизиться к решению задачи. Распространение получили индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП); индекс, оценивающий состояние развития общества знания (киндекс); индекс устойчивого развития ESJ; индекс экологических достижений EPJ; индекс институционального качества GRJCS и т. д. В наиболее системных моделях, кроме уровней жизни, питания, здравоохранения, образования, в оценку благосостояния включаются критерии, отражающие гражданское согласие в социуме, безопасность и духовность жизни, уровень морали общества и др.

По оценкам западных экономистов-экологов, совокупные затраты, гарантирующие сохранение качества среды обитания и природных объектов, должны составлять 5–8 % ВВП. В России этот показатель находится на уровне 0,25–0,40 % ВВП [10]. Еще в 2010 г. в Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации отмечалось: «Продолжение современных тенденций развития в инерционном сценарии приведет ко все большей деградации окружающей среды. Только оптимистический вариант, связанный с коренным изменением типа экономического роста в стране, сможет привести к устойчивому развитию» [11, с. 108]. Прошло 10 лет, и мы можем указать причину, по которой оптимистический сценарий не состоялся: показатели природоёмкости – энергоёмкости ВВП не улучшились.

Общей тенденцией становится снижение эффективности инвестиций в энергетический сектор. Еще в 2001 г. президент РФ В.В. Путин ситуацию характеризовал так: «Мы по-прежнему живем преимущественно в “рентной”, а не производительной экономике. Наша экономическая система, по сути дела, мало изменилась. Где делаются основные деньги? На нефти, на газе, на металлах, на другом сырье. Полученные дополнительные доходы от экспорта либо проедаются, либо питают отток капитала, либо, в лучшем случае, инвестируются в тот же сырьевой сектор»

[12]. Факт, что председатель Правительства РФ Д.А. Медведев был отправлен в отставку спустя столько лет после этих слов, свидетельствует о том, что экономическая ситуация в стране существенно не изменилась.

Весь отечественный и мировой опыт разработки и внедрения программ устойчивого развития показал, что они нереализуемы в рамках традиционной рыночной экономики, что нужна другая экономика – экономика устойчивого развития, которая прежде всего должна быть экологической и социальной экономикой. Общие соображения насчет такой экономики высказаны еще в начале тысячелетия.

Часто используемое название новой экономики – зеленая экономика. Переход на «зеленые рельсы» был анонсирован в рамках СОР в декабре 2019 г. Поступательные шаги в данном направлении воплотились в «зеленой сделке», которую страны ЕС призвали принять на общемировом уровне. Сделка, к которой активно присоединился Китай, предполагает радикальные реформы в экономике, энергетике, транспорте в целях перевода их на углеродно нейтральные рельсы. Конкурентоспособность государств и компаний будет определяться их умением адаптироваться к низкоуглеродному будущему экономик. Однако углубленная сырьевая ориентация показывает, что экономика России еще не готова к этому. Поэтому для нее подходит не лишенный риска инерционный сценарий развития, при котором, двигаясь по своей колее, экономика ориентируется, стимулируется, изменяется «зеленым переходом».

Евросоюз объявил, что к 2050 г. хочет иметь экономику с нейтральным влиянием на климат и нулевые выбросы углекислого газа в атмосферу.

На Всемирном экономическом юбилейном форуме в Давосе в 2020 г. тема ЦУР и организованных шагов к ним была главной. Докладчики обратили внимание на три основных вызова, для ответа на которые должна сплотиться мировая общественность: изменения климата (на первом месте), киберугрозы и экономическая нестабильность. Первая и третья непосредственно относятся к устойчивому развитию стран мира и регионов, да и вторая тоже касается устойчивого развития в целом.

3. Экономика устойчивого развития как экономика будущего. Ее показатели. В концепции устойчивого развития подсистемы экономики, экологии, социума и управления взаимобусловливают друг друга (рисунок 2). Экономика испытывает влияние и экологии, и социума. Иначе говоря, она становится социально-экологической.

Рисунок 2 – Подсистемы концепции устойчивого развития

Формируется соответствующий понятийный аппарат. Вводится категория «устойчивое предпринимательство», которая «фокусируется на сохранении природы, поддержке жизни и общества при осуществлении воспринимаемых возможностей создавать новые продукты, процессы и услуги для блага, причем благо понимается широко, включая экономические и неэкономические выгоды для индивидов, экономики и общества» [13, с. 110].

Как следует из этого определения, «устойчивые предприниматели» существенно отличаются от коммерческих предпринимателей, которые стремятся к максимальной выгоде в пределах допустимого, а чаще и не допустимого. Итак, устойчивые предприниматели формируют сторону предложения устойчивого развития экономики. «Однако, – как справедливо отмечает В.Л. Тамбовцев, – это предложение может не найти спроса на *устойчивое потребление*. ...В связи с анализом *изменений* поведения потребителей... поскольку на путях перехода к устойчивому потреблению исследователи отмечают наличие многих барьеров не только экономического, но и социально-психологического характера» [14, с. 110].

Экономика устойчивого развития нуждается в индикаторах социального и экологического характера. Они разрабатываются исследователями разных стран. Наиболее популярным показателем социального характера является индикатор человеческого развития (далее – ИЧР), отражающий качество жизни. Индекс экономического благополучия разработан Центром изучения стандартов жизни Канады; индекс персонального благополучия – Центром качества жизни Университета Дикина в Австралии; индекс устойчивого общества – фондом «Устойчивое общество» в Нидерландах; индекс экологических достижений – учеными Колумбийского и Йельского университетов и т. д.

Заслуживает внимания система индикаторов устойчивого развития ЦУР ООН. В ней содержится несколько сотен показателей. По мнению экспертов, наиболее проработанным в теоретическом плане, имеющим хорошую статистическую базу и возможности расчета на национальном уровне является индекс «скорректированных чистых накоплений» Всемирного банка. Методику расчета этого индекса предложили Д. Пирс и Ж. Аткинсон в 1993 г., а впоследствии ее дорабатывали специалисты Всемирного банка.

Данный индекс демонстрирует, в какой степени необходимо компенсировать истощение природного капитала за счет увеличения инвестиций в человеческий и физический капитал. При этом традиционный показатель валовых сбережений корректируется добавлением затрат на человеческий капитал (образование) и вычитанием использованного природного капитала (энергетических и минеральных ресурсов), сальдо по лесным ресурсам, ущерба от загрязнения окружающей среды (выбросов CO₂ и твердых частиц):

$$K_{ч. н.} = K_{в. сб.} + K_{ч. к.} - K_{и. пр. к.} - K_{з. ср.},$$

где: $K_{ч. н.}$ – индекс скорректированных чистых накоплений;

$K_{в. сб.}$ – показатель валовых сбережений;

$K_{ч. к.}$ – индекс затрат на человеческий капитал;

$K_{и. пр. к.}$ – индекс истощения природного капитала;

$K_{з. ср.}$ – индекс загрязнения окружающей среды.

Важными преимуществами скорректированных чистых накоплений как интегрального индикатора устойчивого развития являются ежегодный расчет для всех стран мира и публикация в справочниках Всемирного банка «Индикаторы мирового развития» [15, с. 21]. В России уже имеется опыт расчетов этого индекса на национальном и региональном уровнях [16]. Индекс скорректированных чистых накоплений дает агрегированную оценку устойчивого развития и указывает на необходимость компенсировать истощение природного капитала за счет вложений в человеческий и физический капиталы.

Авторы доклада Аналитического центра при Правительстве РФ за 2015 г. предложили интегральный индекс устойчивости (далее – ИИУ). Он позволяет лучше оценить качество и устойчивость роста на основе учета трех групп показателей: экономических, социальных и экологических. В ИИУ включено 15 индикаторов: 7 экономических, 4 социальных и 4 экологических.

Экономические показатели объединяют как традиционные индикаторы ВВП, инвестиций, износа основных фондов, так и параметры эффективности использования энергии. Социальные показатели включают ожидаемую продолжительность жизни, занятость населения, материальное равенство, обеспеченность жильем. Экологический аспект представлен критериями загрязнения воздуха и водных объектов, выбросом парниковых газов, образованием отходов [17, с. 24–25]*.

Единственным недостатком ИИУ можно считать лишь то, что в нем все составляющие получили равный вес. Авторы при этом справедливо сослались на то, что недостаточно обоснованны общепринятые приоритеты при ранжировании экономических, социальных и экологических проблем.

В таблице 1 представлены индикаторы устойчивости в разных государствах.

«В системы индикаторов устойчивости входят и частные индикаторы, представленные в таблице 1: истощение природных ресурсов, потребление пресной воды, выбросы парниковых газов и др. Индикаторами, полученными на основе социологических опросов, могут быть общая удовлетворенность жизнью, удовлетворенность действиями властей и т. д.

В последние годы в России резко активизировалась разработка различных социально-экономических программ, стратегий, проектов. Для них необходимы свои системы целей и индикаторов. Примерами таких разработок, в которых формально не употребляется понятие устойчивого развития, но фактически реализуются его цели, могут быть директивные документы по оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях» [19, с. 151].

---

* С.Н. Бобылев, С.В. Соловьева в докладе «Человеческое развитие в условиях спада экономики» приводят таблицу интегральных индексов устойчивости РФ с 2000 по 2013 г., рассчитанных на основе данных семи статистических сборников (с. 24).

Таблица 1 – Индикаторы устойчивости в отдельных странах [18]

Страна	Скорректированные чистые накопления, % ВВП	Индекс человеческого развития	Доля ископаемого топлива, % общего объема*	Доля возобновляемых источников энергии, % общего объема*	Выбросы углекислого газа на душу населения, т	Истощение природных ресурсов, % ВВП	Лесистые зоны, % территории	Общая удовлетворенность жизнью (значения 0–10)
Норвегия	12,8	0,943	58,6	45,3	10,5	10,6	32,4	7,6
Австралия	1,7	0,929	94,6	5,4	19,0	5,1	19,7	7,5
Нидерланды	11,6	0,910	92,5	4,4	10,5	0,8	10,8	7,5
Канада	5,8	0,908	74,9	17,0	16,4	2,3	34,1	7,7
Германия	11,4	0,905	80,1	8,9	9,6	0,1	31,8	6,7
Франция	7,0	0,884	51,0	7,6	6,1	0,0	29,0	6,8
Чешская Республика	11,3	0,865	81,2	5,4	11,3	0,3	34,3	6,2
Великобритания	2,2	0,863	90,2	2,8	8,5	1,2	11,8	7,0
Польша	9,7	0,813	93,8	6,3	8,3	1,0	30,5	5,8
Белоруссия	16,9	0,756	92,1	5,5	6,5	0,9	42,2	5,5
Россия	-0,8	0,755	90,9	3,0	12,1	14,5	49,4	5,4
Казахстан	-1,2	0,745	98,8	1,1	15,3	22,0	1,2	5,5
Украина	5,6	0,729	81,8	1,4	7,0	3,8	16,7	5,1
Бразилия	4,6	0,718	52,6	44,5	2,1	3,1	61,9	6,8
Китай	39,7	0,687	86,9	12,3	5,2	3,1	21,6	4,7
Индия	24,1	0,547	71,1	28,1	1,5	4,2	22,9	5,0

* Доля в предложении первичной энергии.

Самым популярным все же остается индекс человеческого развития. До 2010 г. в международных сравнениях он определялся как среднеарифметическое трех индексов: долголетия, образования и дохода.

Индекс долголетия рассчитывается по следующей формуле:

$$\frac{x - 25}{85 - 25}$$

где x – ожидаемая продолжительность жизни в стране при рождении.

Индекс образования состоит из двух частей: 1) доли грамотного населения – учитывается с коэффициентом 2/3; 2) доли обучающихся в общем числе людей в возрасте от 7 до 24 лет.

Индекс дохода рассчитывается по следующей формуле:

$$\frac{\log V - \log 100}{\log 40\,000 - \log 100}$$

где V – ВВП на душу населения по ППС [20, с. 156–157].

Такой расчет имел недостаток, присущий среднему арифметическому: его значение сильно зависит от изменения любого из слагаемых. Если, например, резко возрастет индекс дохода, то и ИЧР соответственно резко увеличится. Однако и в ИЧР заложена идея измерения качества жизни, влияющего на развитие человека. Это качество однолинейно не зависит от уровня доходов. Поэтому в ООН в 2011 г. представлены усовершенствованный вариант прежнего метода за счет добавления новых компонентов – продолжительности обучения, ожидаемой продолжительности обучения, валового национального дохода на душу населения по ППС – и усложненная итоговая формула*. Подробная методика расчета индекса дана на официальном сайте ПРООН [21].

В 2018 г. ПРООН выпустила обновленные расчеты индекса за 2016 г. В них значения ИЧР делятся на четыре группы:

- очень высокий – не менее 0,80;
- высокий – не менее 0,70;
- средний – не менее 0,55;
- низкий – ниже 0,55.

Лидером по уровню человеческого развития является Норвегия с индексом 0,953. Основная причина первенства – высокий средний доход на душу населения. На 2-м месте находится Швейцария с ИЧР = 0,944, на 3-м – Австралия с 0,939. В этих двух странах показатели ожидаемой

* Второй, более сложный, вариант расчета ИЧР впервые представлен в 2011 г., но для России его применить невозможно из-за отсутствия необходимых данных в системе нашей статистики.

продолжительности жизни и данные об образовании выше, чем у Норвегии, но последняя вырывается в лидеры за счет высокого уровня доходов.

Отстающими в мировом рейтинге были страны Центральной Африки: Центрально-Африканская Республика с ИЧР = 0,367 и Нигер – 0,354. В этих государствах практически отсутствует всеобщая система образования и регистрируется очень низкий уровень доходов населения.

Россия попала в число стран с высоким уровнем человеческого развития с ИЧР = 0,816 и заняла 49-е место в мировом рейтинге. В среднем по миру значение ИЧР составило 0,728.

Помимо основного индекса ПРООН рассчитывает ИЧР с учетом внутристранового различия. С учетом этой дифференциации индекс России снизился до 0,738. В то время как в Японии, наоборот, индекс с 0,903 с учетом неравенства возрос до 0,948.

В таблице 2 представлена динамика индекса человеческого развития.

Таблица 2 – Динамика индекса человеческого развития (по новой методологии ПРООН) [22, с. 158]

№	Страна	Год						
		1990	2000	2010	2014	2016	2017	2017**
1*	Норвегия	0,850	0,917	0,942	0,946	0,951	0,953	0,876
5	Германия	0,801	0,868	0,921	0,930	0,934	0,936	0,861
12	Канада	0,849	0,867	0,902	0,918	0,922	0,926	0,852
13	США	0,860	0,885	0,914	0,918	0,922	0,924	0,797
14	Великобритания	0,775	0,867	0,905	0,919	0,920	0,922	0,835
19	Япония	0,816	0,855	0,885	0,903	0,907	0,909	0,876
24	Франция	0,779	0,849	0,882	0,894	0,899	0,901	0,808
26	Испания	0,754	0,825	0,865	0,880	0,889	0,891	0,754
33	Польша	0,712	0,785	0,835	0,842	0,860	0,865	0,787
49	Россия	0,734	0,720	0,780	0,807	0,815	0,816	0,738
53	Беларусь	–	0,683	0,792	0,807	0,805	0,808	0,755
58	Казахстан	0,690	0,685	0,765	0,793	0,797	0,800	0,737
64	Турция	0,579	0,655	0,734	0,778	0,787	0,791	0,699
79	Бразилия	0,611	0,684	0,727	0,752	0,758	0,759	0,578
86	Китай	0,502	0,594	0,706	0,738	0,748	0,752	0,643
88	Украина	0,705	0,671	0,733	0,748	0,746	0,751	0,701
113	ЮАР	0,618	0,630	0,649	0,685	0,696	0,699	0,467
130	Индия	0,427	0,493	0,581	0,618	0,636	0,640	0,468
1898	Нигер	0,210	0,252	0,318	0,345	0,351	0,334	0,250

* Порядковый номер страны в рейтинге 2017 г. (данные за 2016 г.).

** Данные, пересчитанные с учетом внутристранового неравенства.

При расчете индекса ИЧР для субъектов РФ приходится вводить дополнительные процедуры, чтобы данные соответствовали международной методологии. Расчеты за 2016 г. выявили трех лидеров:

1. Москва (ИЧР = 0,9354);
2. Санкт-Петербург (0,9354);
3. Тюменская область и Ханты-Мансийский округ – Югра (0,908).

Данные для Москвы и Санкт-Петербурга почти не отличаются от тех, которые были получены С.Н. Бобылевым, Н.В. Зубаревич и С.В. Соловьевой в 2015 г.: они тогда составляли 0,937 и 0,901 соответственно [23].

Москва держит лидирующее положение за счет высокого валового регионального продукта (далее – ВРП) на душу населения, Санкт-Петербург – высокого показателя уровня образования (многие жители других регионов учатся в Санкт-Петербурге) при меньшей численности населения, чем в столице. Тюменская область лидирует ввиду широкого охвата образованием, а входящий в ее состав Ханты-Мансийский автономный округ – из-за высокого ВРП.

В 2016 г. по ИЧР отставали Еврейская автономная область (0,801), Чеченская республика (0,800) и Республика Тыва (0,786). Еврейская автономная область и Тыва демонстрировали невысокое значение индекса из-за низких показателей продолжительности жизни, а Чеченская республика – из-за низкого ВРП на душу населения.

Краснодарский край в 2016 г. находился в третьем десятке лидеров с ИЧР = 0,868, занимая 28-е место по стране. Здесь наблюдается относительно равномерная величина индексов, составляющих ИЧР: индекс дохода – 0,869, индекс долголетия – 0,797, индекс образования – 0,938 [24].

Таким образом, краткий анализ становления экономических понятий устойчивого развития показывает, насколько важно и для отечественной экономической науки включиться в разработку теории устойчивого развития с учетом российских реалий.

Ссылки:

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр. Е.А. Самарской. М., 2006. 269 с.
2. Галкин Д.В. Жан Бодрийяр // История философии : энциклопедия / под ред. А.А. Грицанова. Минск, 2002. С. 121–124.
3. Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М., 2017. 600 с.
4. Там же. С. 346–347.
5. Там же. С. 589–590.
6. Цит. по: Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 65.
7. Там же. С. 64–65.
8. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Новые Цели устойчивого развития для мира и России // Человеческое развитие в условиях спада экономики: доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 г. / Аналитический центр при Правительстве РФ. М., 2015. С. 6–27.
9. Там же. С. 20.
10. Акимова Т.А. Новые цели и новые измерения экономики развития // Экономические механизмы решения глобальных экологических проблем России : материалы конференции. Барнаул, 2008. С. 24–27.
11. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее [Электронный ресурс] : доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2010. М., 2010. 152 с. // ООН в РФ : официальный сайт. URL: http://www.un-russia.ru/sites/default/files/doc/un_rus.pdf (дата обращения: 10.12.2020).
12. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства [Электронный ресурс] : послание президента РФ от 3 апр. 2001 г. // Официальный сайт президента России. 2001. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36350> (дата обращения: 10.12.2020).
13. Тамбовцев В.Л. Устойчивое региональное развитие: актуальные направления институционального анализа // Журнал институциональных исследований. 2019. Т. 11, № 3. С. 104–118. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.104-118>.
14. Там же. С. 110.
15. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Указ. соч. С. 21.
16. Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели для расчета [Электронный ресурс] / С.Н. Бобылев, В.С. Минаков, С.В. Соловьева, В.В. Третьяков. М., 2012 // WWF России. 2012. URL: <https://wwf.ru/upload/iblock/dc8/index.pdf> (дата обращения: 10.12.2020).
17. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Указ. соч. С. 24–25.
18. Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В. Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147–160. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-1-147-160>.
19. Там же. С. 151.
20. Голяшев А.В., Лобанова А.А. Индекс человеческого развития: международные и региональные различия // Человек и инновации: доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 г. / Аналитический центр при Правительстве РФ. М., 2018. С. 156–169.
21. Technical Notes. Calculating the Human Development Indices – Graphical Presentation [Электронный ресурс] // Human Development Report 2015. Work for Human Development. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2015_technical_notes.pdf (дата обращения: 10.12.2020).
22. Голяшев А.В., Лобанова А.А. Указ. соч. С. 158.
23. Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В. Указ. соч.
24. Там же. С. 159–161.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна